

Женские судьбы.
Уютная проза
Марии Метлицкой

Мария
Метлицкая

Поэты счастливые
тетяшны

Москва
2022

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М54

Художественное оформление серии и иллюстрация
на переплете *П. Петрова*

Метлицкая, Мария.

М54 Почти счастливые женщины / Мария Метлицкая. — Москва : Эксмо, 2022. — 416 с.

ISBN 978-5-04-113786-1

Как часто в юности мы слышали: «Учись на своих ошибках». Как часто в зрелости мы сами говорили это своим детям. Впрочем, без особой надежды. Все знают: учиться на чужих ошибках невозможно. Опыт приходит лишь тогда, когда совершишь собственные.

Аля Добрынина рано осталась сиротой. Бабушка Софья Павловна, которая заменила ей и мать, и отца, и прочих родственников, сокрушалась, что внучка повторяет ее ошибки. Но Аля, с ее горячностью, «правильностью», благородством, жила так, как велело ей сердце. Именно поэтому ей не однажды пришлось пережить предательство, разочарование, крах надежд.

Но жизни без ошибок не бывает. И Аля, став совсем взрослой, понимает: главное — в ее жизни была любовь, настоящая, всепоглощающая. А значит, она почти счастливая женщина. Потому что быть совсем счастливой, наверное, невозможно.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Метлицкая М., 2020
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2022

ISBN 978-5-04-113786-1

ВАлином взгляде читалось многое — смятение, оторопь и даже ужас. А еще — паника, смешанная с жалостью и недоумением. Она смотрела на дочь и старалась не закричать, не оскорбить, не выгнать, в конце концов.

А сделать все это хотелось. Но нельзя — воспитание и традиции не позволяли. Она никогда — никогда! — на дочь не повышала голоса. А уж про оскорбления говорить нечего — у них это не принято.

Она же педагог, причем с огромным стажем. Как же опуститься до того, чтобы оскорбить родную дочь? Нет, никогда.

Аня всхлипывала и шумно сморкалась. Мать морщилась, кривилась, а та продолжала тянуть что-то жалостливое, как ей казалось, пытаясь растрогать мать. Но, кажется, понимала, что сделать это почти невозможно. Мать никогда не поймет. Не тот она человек. Конечно, мама нежная, теплая, любящая. Но в чем-то непримиримая, бескомпромиссная, даже нетерпимая.

Аля посмотрела на часы — ничего себе, а? Полтора часа бреда, истерики, соплей и просьб понять, войти в положение. Полтора часа всей этой мерзости, пакости и — самое страшное — отчаянной глупости!

Нахмурившись, она пристукнула ладонью по столу:

— Все, Аня, все! Достаточно. Хватит. В конце концов, это невыносимо. Посмотри на себя в зеркало, во что ты превратилась! И все это ты называешь счастьем? Ну просто, ей-богу, смешно! Ты, Аня, взрослая женщина, мать и жена. И эти

сопли, эти надуманные, абсолютно киношные страсти — все это пошлость, прости! Бразильская чушь какая-то, дешевое «мыло». — Она встала, резким движением одернула кофту и подошла к окну.

Притихшая и ошарашенная, дочь смотрела на такую знаковую фигуру — все еще стройную, подтянутую, с ровной спиной и гордой, высокомерной поднятой головой.

— Мама, — жалобно пролепетала она, — как же ты можешь? Ведь это моя жизнь. Господи, ну как же ты можешь? Ты же моя мать. И вообще... женщина. Кто поймет меня, если не ты? Кто пожалеет? — Закрыв заплаканное, опухшее лицо руками, Анна снова расплакалась. — А на гостиницы у него просто нет денег. Такое бывает, мам, ты просто забыла. Да и такое унижение — гостиница...

Аля отвернулась от окна.

— Мать, говоришь? Конечно, мать! Аня, я знаю про тебя все. И про твоего мужа, и про детей, моих, между прочим, внуков. И ты мне предлагаешь встать на твою сторону? Принять твою правду? Поддержать тебя в этом безумии? Войти с тобой, так сказать, в коалицию? В тайный сговор? Ты предлагаешь мне это? Ты, Аня, дура. Прости за резкость, но тебя занесло. Да, и еще: обо мне ты подумала? Ну как мне жить со всем этим? Знать и жить дальше? Как спать по ночам? Смотреть в глаза своему мужу? Сидеть за общим семейным столом? Делать вид, что все хорошо, все по-прежнему? Ты предлагаешь мне стать сообщницей в преступлении? Уж прости за громкую фразу, но это так! Ты, как всегда, думаешь только о себе, Аня. Ты же у нас пуп земли и центр вселенной, не так ли?

Не поднимая головы, дочь крутила в руке легкую кофейную чашку с расплывшимися остатками кофе, словно пыталась разглядеть на тонких стенках послание свыше. Потом аккуратно поставила чашку на блюдце, откинула пышные кудрявые волосы, узкой изящной ладонью оттерла слезы и, медленно покачав головой, печально усмехнулась.

— Нет, мамуль. Уж чего я не ждала точно — так это поддержки. Точнее, нет, я ждала! Ты права. И да, я полная дура, раз ждала. Как я могла? Сама удивляюсь. Меня занесло, это верно. И тысячу раз прости, что предложила стать моей

сообщницей. Посмела лишить тебя сна и покоя, нарушить твою размеренную жизнь. Ох, мама! Прости. Прости, если можешь! У меня и вправду поехала крыша. Знаешь, такое бывает. Случается с тетками. Особенно после тридцати. Крышу срывает. Не слышала, нет? С тобой не делились подруги? Господи, да о чем я? Какие подруги? — И дочь саркастически рассмеялась.

— Какая ты злая, Аня! А говорят, что счастливые злыми не бывают! Вот и задумайся о своей неземной любви. И вообще — что тут обсуждать? Я тебя прошу об одном — просто разберись, что самое главное. И если разберешься, значит, я правильно тебя воспитала.

Дочь расхохоталась.

— Мам, ты серьезно? Именно это тебя сегодня волнует? Правильно ли ты меня воспитала? Что упущено, да? Ну ладно, мам. Я поехала. Прости, что отняла у тебя столько времени.

Аля встрепелась.

— Куда ты в такую погоду и в такое время, Аня? Пока доедешь, я сойду с ума! Уедешь рано утром, хоть выспишься на свежем воздухе! Иди к себе, выпей чего-нибудь успокаивающего, валерьянки, например. Прошу тебя, не уезжай.

Дочь на минуту остановилась.

— Нет, мам. Спасибо. Все же я поеду домой. Время позднее, минут за сорок доберусь. — Она стала натягивать кроссовки.

Растерянная, мать стояла на расстоянии вытянутой руки.

— Останься, Аня, — жалобно повторила она. — Ну куда в такую темень, ей-богу? Да и дождь моросит! Не упрямься, останься!

Дочь улыбнулась:

— Да ладно, о чем ты? Какой там дождь? Так, ерунда. Нет, я поеду. Прости. Хочу домой. Там сейчас никого нет, и это удача.

Мать дернулась и сжала губы.

— Ну как всегда, разумеется! Все как тебе удобно! Какой эгоизм, Аня! Всегда и во всем!

— Все, мам. Пока. Созвонимся. — У двери обернулась и усмехнулась: — Вот оно, мам! Издержки твоего воспитания.

Упущения, так сказать — эгоистичная, равнодушная и непослушная дочь.

Аля ничего не ответила.

Через пару минут раздался звук двигателя. Она подошла к окну. Темный участок осветили автомобильные фары, открылись ворота. Машина выехала на улицу и, чуть переваливаясь, медленно поползла по поселку.

«Ну конечно, — раздраженно подумала Аля. — Закрывать ворота не удосужилась. Сто раз говори — и все без толку! Что за эгоизм? Впрочем, чему удивляться? Тряслась над ней, вот тебе и издержки!»

Накинув старую куртку и сунув ноги в кроксы, она вышла во двор. Трава после дождя сочно чавкала под ногами. Было тепло и сыро, пахло свежестью и мокрой землей. На минуту остановившись, Аля глубоко вдохнула свежие вечерние запахи — красота! Все, как она мечтала, — дача, лето, свобода. Все вечера были ее: балкон с видом на лес, на участок, уютная комната, удобная кровать. Старая бабушкина настольная лампа — синее стекло, бронзовая нога. Книга на тумбочке, стакан остывшего чая. И в блюде крыжовник — любимое лакомство.

Правда, днем вожделенного уединения ей было не видеть — внуки и няня, чужой человек. Но внуки радость и счастье, а няня тиха, как украинская ночь. На неделе ни дочь, ни зять не приезжали, оставались в Москве. Во-первых, неохота тащиться по пробкам. А во-вторых, им хотелось отдохнуть от детей. За них родители были спокойны — с ними и няня, и бабушка. Холодильник забит, в местном магазине есть все, можно спокойно работать. И она была спокойна за дочь и зятя. Пусть спокойно работают и отдыхают. Ходят в кино, в гости, в рестораны. Они заслужили.

Зато уж на выходные собирались компании. Приезжали друзья дочери и зятя, разумеется, с детьми — у всех было по двое или по трое. И как они все успевали, современные женщины? Все ведь работали — у кого бизнес, у кого служба. А, да! Няни! Сейчас все изменилось, не то что в ее молодости, когда весь расчет был на бабушек и дедушек.

Да, выходные всегда были шумными и многолюдными: шашлыки, плов, шурпа или лагман. Эти успешные молодые

мужчины умели готовить! Точнее, так — сейчас было модно готовить! И зять Леня умел и любил.

И на тебе — все изменилось. У ее спокойной, разумной, послушной дочери, у ее тихушницы Аньки, примерной матери и верной жены, случился роман. В голове не укладывается. Этого Аля точно не ожидала — у дочери в семье все было прекрасно: достаток, успех. Никаких скандалов и передраг. Леня, зять, обожает Аньку. А какой он замечательный муж и отец!

Как было все хорошо! Казалось, так будет всегда, и ее дочь точно будет счастливой — первой счастливой женщиной в их семье. А сейчас на сердце тревога и беспокойство, душа ноет, болит. Да и с покоем, кажется, пришла пора распрощаться. Надолго или навсегда? Все обваливается, трещит по швам. Вот-вот — и руины.

Она выглянула на улицу, но там было темно. Включила уличное освещение. Дождь закончился, только с деревьев падали капли.

Спать, спать. Сегодня она очень устала.

Однако уснуть не получалось. Включила телевизор. Но на экране рябило, картинка, словно игрушечный калейдоскоп, распалась на множество мелких деталей, и Аля с раздражением его выключила. Нет, все понятно, загород, дождь — но как же это осточертело! Читать не хотелось. Разве что послушать музыку? Приемник отлично ловил любимую радиостанцию «Орфей». Несколько минут Аля крутила колесико настройки, но приемник шипел и шуршал. Чертыхнувшись, она выключила и его. Помехи. Всю жизнь одни помехи.

Пытаясь все же уснуть, легла на спину, вытянула ноги и натянула одеяло до подбородка. Услышала, как снова за барабанил дождь. Ну вот! Посмотрела на часы — рано. Наверняка Анька еще не доехала. Позвонить? Да нет, не стоит. Во-первых, отвлекать водителя за рулем — полная глупость. А во-вторых, услышать опять ее раздражение? Нет уж, увольте. С нее хватит того, что она сегодня услышала.

И от кого? От самого близкого человека, от родной и единственной дочери. От жалости к себе Аля всхлипнула.

И тут снова вернулись раздражение и даже злость на дочь: «Нет, ну вы подумайте! Роман она завела!» Аля снова вздохнула — не усну. Определенно сегодня не усну.

Да уж, мать и дочь, вечный «Король Лир». С сыновьями проще, она в этом уверена. Сын больше жалеет мать. Нет вечного соперничества, сравнения: а я, а у меня, а у тебя. И все это полная чушь, что дочь лучше поймет, потому что женщина. Глупости. И как ей надоели эти высосанные из пальца драмы!

Все. Не думать, не думать. Не думать — и все. Иначе просто не выжить. Анька молодая, все переживет. А ей, Але, за пятьдесят.

И хватит с нее страданий, ей-богу, достаточно. Свою бочку дерьма она уже съела, выхлебала полной ложкой до самого дна.

Она закрыла глаза и почувствовала, что ее знобит. Не дай бог, простуда. Да нет, просто нервы. Еще бы не нервы — такой стресс. Она снова посмотрела на часы и набрала телефон дочери.

— Аня! Ты дома? — быстро выпалила она.

— Подъезжаю, — коротко, с обидой бросила дочь.

«Ну и бог с тобой, — подумала Аля. — Добралась — и слава богу. А все твои закидоны — тоже мне, новость».

Она погасила настольную лампу и отвернулась к стене. Дождь, развеселившись, весело и бодро тарабанил по подоконнику. Вдалеке забрехала собака. Моментально включились другие. Собачий брех продолжался минут десять, а затем постепенно смолк.

Она открыла глаза и уставилась в потолок. Ничего интересного.

Ах, Анька! Какая же ты дурочка, девочка! И как мне тебя, Анька, жаль!

* * *

В детстве Аля была наивна не по годам, и это сразу бросалось в глаза. Светло-серые, детской кукольной формы глаза распахнуты и открыты всему миру. В них не было испуга или страха перед огромной и незнакомой жизнью, в них читались восторг, любопытство, любознательность и — доверие. Так ее учила мама: «Хороших людей большинство, доченька! Их точно больше, чем нехороших!» Мама, наивная, чудесная мама! Светлый, несчастный человек, почему именно тебе такая

судьба? Аля Добрынина не была хорошенькой в понимании этого слова — скорее, обыкновенной, но милой, приятной.

Жили они в Подмоскowie, точнее в Клину, в городке, где творил великий Чайковский, и Аля очень гордилась своим земляком.

Алина мать, Анна Васильевна Добрынина, скромная, тихая учительница музыки в местной школе, мечтала сделать из девочки пианистку. Но увы, уже в четыре года она, опытный педагог, поняла, что занятие это бессмысленное и бесполезное — у девочки не было слуха. До такой степени, что напеть простейшую «В лесу родилась елочка» у нее не получалось. Конечно же, слух можно развить, как и циркового медведя научить кататься на коньках. Но стоит ли? Если бог не дает никаких подсказок, выходит, не стоит? Значит, у девочки другой путь. Да и пианино, стоящее в холодном помещении красного уголка, наводило на тихую девочку совсем не священный ужас. Аля просто пугалась черного полированного зубастого монстра.

Ах как жаль! Ведь музыка — это счастье, нескончаемая радость, восторг, упоение и отрада души!

Да, жаль... Но что поделать? Заставлять девочку барабанить по клавишам? Зубрить этюды и гаммы? Мучить ее? Никогда. И музыкальную тему Анна Васильевна просто закрыла.

Когда-то с пятимесячной дочерью на руках тихая и покорная Анечка сбежала от мужа-тирана. Сбежала в никуда, не раздумывая ни минуты, когда пьяный оборотень занес над ней огромный, с кирпич, кулак. С собой она прихватила авоську с тремя запасными пеленками, тремя же ползунками, парой теплых пинеток и шапочек. Девочка была укутана в одеяло — апрель.

Почему-то бросилась на вокзал. Уже на вокзале, присев на скамейку, заплакала — идти ей было некуда и не к кому. Ни родни, ни близких друзей у нее больше не было, мама умерла, а отец, не выдержав и года, сразу женился. Мачеха оказалась классическим персонажем из сказок — злой, жадной, ревнивой. Тихая и смиренная Анечка ее раздражала. Жили они в небольшом подмосковном поселке в общежитии семейного типа — полторы комнаты и общая кухня. За что эта женщина ненавидела Анечку? Молчаливая девочка, умелая помощница. И суп сварит, и приберет. Покойница-мама всему научила.

Знала, чувствовала, что долго не проживет, — сердцем страдала всю жизнь. Ей и рожать запрещали. Но родила — какая семья без дитя? А вот работать не работала — инвалидность. Работал один отец. В поселке под названием Труженик был небольшой заводик по производству гжельской керамики, где он и трудился оправщиком. У всех поселковых бело-синей керамики было полно — списанный брак: вазы, тарелки, чашки и плошечки. Фигурки животных, девиц и кавалеров не брали — зачем? Какая от них польза? Глупости для городских. С фигурками играла детвора — девица с длинной косой, удалой гармонист, спящие кошечки, свернувшиеся в клубок собачки. Это и были их куклы и основные игрушки.

Вся поселковая жизнь крутилась вокруг заводика. У всех были свои огороды и даже живность, скотина — а как выживать на селе? Но мама, простая женщина, светлая ей память, отдала девочку учиться музыке — в поселке жила замечательная старушка Евгения Николаевна. К ней Аня и бегала на занятия три раза в неделю. Да больше бы бегала — только Евгеше было тяжело, возраст.

А потом мама ушла... Ту жизнь, после мамы, вспоминать не хотелось. Мачеха жалела ей кусок хлеба и стакан молока. Слава богу, Анне тогда было почти пятнадцать. Решилась и, бросив недобрый родительский дом, уехала поступать в музыкальное училище в Москву.

Странное дело — поступила, сама не ожидала. Получила койку в общежитии и зажила студенческой жизнью. Стипендии, правда, почти ни на что не хватало. А как хотелось попасть в Зал Чайковского и в консерваторию! Но студентам давали контрамарки. А вот на билеты в театр денег не хватало. Ее манило в театры, концертные залы, на выставки! Это же столица, Москва! Здесь столько всего! А недоступно.

Жили девчонки в общежитии дружно, в складчину. Выживали, потому что всем делились. Хорошее было время. Пока она не повстречала Сашу Добрынина, красавца и баловня судьбы, москвича, сына богатых и известных родителей. Влюбилась в него смертельно, до сердечной боли. Да и он, кажется, тоже — провинциалка, музыкант, сероглазая, русоволосая Анечка, тихая, нежная, пылко влюбленная, готовая на все. За ним — на край света!

Он все смеялся: «Ты с какой планеты, Анька? Таких больше нет!» Называл ее декабристкой.

Столичные девицы, яркие, языкатые и нахальные, как на подбор, ему давно надоели.

Как хорошо все начиналось. Ах как хорошо! Правда, через четыре месяца она забеременела, неопытная дура, деревня! Как он кричал! Но потом успокоился — на удивление быстро — и предложил пожениться. Аня удивилась. Потом, спустя время, поняла — сделал он это назло матери, с которой у него было сложно, и отцу. Правда, тому, кажется, было все равно, он жил своей жизнью. А вот свекровь ее сразу не приняла. Смотрела презрительно, как на беспородную, шелудивую, приبلудную собаку. И презрения своего не скрывала. Сразу предупредила:

— Думаешь, принца на белом коне отхватила? Богатого москвича? Дура. Дерьмо он, мой сын. Дерьмо, пьяница и гуляка. Впрочем, скоро сама узнаешь. Ладно, дело твое. Но тебя и твоего ребенка, — она кивнула на выпирающий Анин живот, — я ни за что не пропишу, поняла?

Аня покорно кивнула. Зачем она так, эта строгая женщина, суровая и красивая, увешанная кольцами и браслетами? Что Аня сделала ей плохого? И, кстати, она ни на что не рассчитывает! Просто она любит мужа. Очень любит, и все.

Но свекровь оказалась права: Саша пил. Пил и гулял. Поднимал на нее руку. Свекровь в их отношения не вступала — кажется, просто ждала, когда Аня исчезнет. Правда, сыну бросала: «Сволочь!» Но на этом защита заканчивалась. Свекор вступался, если был дома. Но случалось это редко, жену с сыном он, кажется, избегал.

Когда родилась Алечка, ничего не изменилось. Свекровь к ним в комнату не заглядывала и девочкой не интересовалась. Саша по-прежнему пил и гулял, пропадал на несколько дней, а вернувшись, мог и ударить.

В общем, выдержала Аня почти год, а потом убежала. Не было сил и мочи терпеть.

Когда случился тот, последний скандал, свекровь была дома. Услышав крики, усилила звук телевизора — так она поступала всегда.

Аня не знала, слышала ли свекровь стук входной двери, когда она убегала, ее слезы, крик пьяного мужа, плач девочки. Ей было все равно — надо было спастись. Выскочив из подъезда, на пару минут остановилась. Может, свекровь догонит, остановит? Или Саша? Но нет. Никто ее не догнал. Идти ей было не к кому и некуда. Совсем.

И вот она на вокзале. Зареванная, промерзшая, несчастная и одинокая. Одна на всем белом свете. Нет, не одна — у нее Алька, ее девочка, ее дочка! Только куда бежать? В поселок к отцу и мачехе? Нет, ни за что!

Сидела и плакала. Проходившие мимо люди опасливо косились на молодую женщину с грудным ребенком. Милиционер, стоявший поодаль, посматривал на нее с плохо скрываемой тоской: вот только подойди — и начнется!

Решил подождать. Но Аня почему-то его испугалась, подумала вдруг: «А если отнимут ребенка, заберут в приют, а меня в тюрьму? Да, эти могут. Нет, надо бежать!» И, подхватив дочку, выскочила на перрон. Тут и вспомнила про дальнюю родственницу, живущую в Клину, — мамину тетку или троюродную сестру тетю Липу. Точно, Олимпиада Петровна Гузик, мама писала ей письма. Такую смешную фамилию запомнить было легко, а имя и того проще — Олимпиада. Олимпиада Гузик вряд ли имела полных тезок, и найти ее в маленьком городке будет совсем не сложно.

Аня, обрадовавшись, подхватила и бросилась к кассе. В поезде они с дочерью уснули.

Олимпиада Гузик и вправду нашлась очень быстро. Тетка оказалась важной птицей — начальницей почты. Туда, на почту, Аня с ребенком, тихо хныкавшим в мокрых пеленках, тут же и отправилась.

Тетка оказалась настоящей бой-бабой: высоченная, полная, не женщина — танк, настоящая великанша из сказки. Встретишь такую на улице — отойдешь в сторону или прижмешься к стене. Не выпуская изо рта изжеванную «беломорину», она разговаривала угрожающим басом.

Увидев тощую, бледную, измученную молодую женщину, сурово свела брови, молча выслушала ее, чиркнула спичками, подожгла потухшую папиросу и хлопнула огромной ладонью по столу:

— И чего раньше не сбежала? Чего терпела, дура? Ребенок! И еще — любила? Ну а теперь что? Налюбилась, достаточно? Ну тогда двигай по адресу. — И Олимпиада размашистым почерком черкнула адрес на обратной стороне конверта. — Вот, ступай! Ключ под ковриком на крыльце. Располагайся. Суп там же, на крыльце, хлеб в кухне. Постель в гардеробе найдешь. Не найдешь — ляжешь так. Я приду через, — она глянула на большие часы, висящие на стене, — через два часа. В общем, разберешься! А сумку свою оставь — я притащу! Куда тебе еще сумку?

Растерянная и счастливая, Аня, отирая слезы, мелко кивала. Голодная девочка разразилась рыданиями.

Аня вышла на улицу, вдохнула прохладный свежий воздух, уловила запах костра, приближающейся весны и тепла и, счастливо улыбнувшись, побрела по улице — тетка сказала, что до дома недалеко, минут семь. Нешадно болели руки — дочка, хоть и мелкая, худенькая, почти невесомая, казалась теперь тяжелой.

Домик нашелся быстро — и оказался маленьким, будто игрушечным, словно насмешка над великаншей Олимпиадой: две малюсенькие комнатки с картонными стенками и кухонька метров пять. Половину пространства кухни занимала крутобокая печка.

Аня осторожно положила уснувшую дочку на кровать и на цыпочках, чтобы не скрипеть половицами, прошлась по дому. Убранство никак не вязалось с хозяйкой.казалось, в таком домишке должна жить маленькая, кукольных размеров женщина, а не громкоголосая великанша, бой-баба.

Занавески в рюшечках, кружевные накидушки на кровати и креслах, вышитый подзор, фиалки и герань в горшках, украшенных витиевато вырезанными из белой бумаги передничками, вязанные крючком салфеточки и скатерки, статуэтки животных с игриво поднятыми лапками, картиночки на стенах, бесконечные вазочки и открыточки, парочка плюшевых мишек, сидящих в обнимку на кресле.

Аня счастливо улынулась и наконец выдохнула.

В доме было тепло, огромная печка не успела остыть, и неожиданная гостья робко прижалась к ней озябшей спиной.

Потом она вспомнила, что голодна, поставила чайник, принесла с крыльца огромную кастрюлю щей, открыла крышку и жадно вдохнула аромат густого, наваристого супа.

В кастрюльке поменьше нашелся и хлеб, мягкий и свежий, и Аня отрезала себе большущий ломоть. Устроившись у окна, она жадно, громко прихлебывая, начала есть обжигающий суп.

Только теперь, отогревшись и наконец наевшись, она поняла, как круто и бесповоротно она, нерешительная, робкая и пуливая, изменила свою жизнь. Свою и своего ребенка.

Как она смогла уйти из того дома? Из той семьи, от законного мужа? Как у нее хватило смелости? А что теперь? Уживутся ли они с суровой теткой, ведь совершенно чужие, незнакомые друг другу люди. Что она знает про Олимпиаду? И для чего Олимпиаде, одинокой и бессемейной, Аня и ее дочь?

А если ее найдет муж? С него станется, подаст в милицию, объявят в розыск. Нет, это вряд ли — они с Алей ему не нужны. А свекровь наверняка счастлива, что избавилась от обеих.

А работа? Нужно искать работу, кормить себя и дочь. «Господи, что я наделала...» И Аня заплакала.

В комнате запищала дочка. Аня немедленно вытерла слезы и побежала к ребенку. Помыв малышку под ручкой, поменяла пеленки, покормила ее и прилегла на кровать.

Скоро придет хозяйка. Какой она человек, эта Олимпиада, тетка Липа? Вдруг одумалась и выставит их вон? Тогда точно придется ехать обратно и возвращаться в дом мужа.

Аня всхлипнула: «Никогда. Доченьку в детский дом, а сама утоплюсь. Вот самое простое и верное решение. А Алю вырастит государство. Не бросит же в беде».

Сытая дочка болтала ножками и гулила. А молодая мать скоро уснула — сказались тяжелые дни.

Разбудил ее приход хозяйки. Хлопнула дверь, потянуло холодком, и раздались тяжелые, грузные шаги — ну просто появление статуи Командора. И тут Аня услышала громогласный, басовитый голос:

— Ах ты, моя маленькая! Ах ты, сладенькая! Куколка какая! Красавица! Внуечка моя драгоценная!

Очумевшая от этих слов и еще не пришедшая в себя от сна, Аня сидела на кровати и хлопала глазами. А великанша, повторяя ласковые слова, качала на огромных руках обалдевшую девочку.

И тут растерянная и ошеломленная Аня поняла: сегодня она обрела дом и родную душу. И никто их с дочерью отсюда не выгонит, а совсем наоборот — их будут любить, холить, лелеять, оберегать и охранять. И никто их теперь не обидит. Попробуй обидеть Олимпиаду Петровну Гузик — мало не покажется.

Так все и вышло. Тетка обожала их обеих, и малышку и племянницу, тетешкалась с девочкой, как не тетешкаются родные бабки, летела с работы, чтобы поскорее взять девочку на руки, по утрам варила кашу и протираала творожок, покупала вещички и важно выгуливала ее в коляске, низкой, приземистой, кремово-сливочного цвета, добытой по страшному блату в местном универмаге.

Тетка оказалась человеком редкой, кристальной, светлой души, невероятной душевной теплоты, доброты и сердечности, страшно одинокой и в общем несчастной. Были в ее жизни и трагическая любовь, и предательство, и полное одиночество. Кому повезло больше? А повезло всем — и Анюте, как звала ее тетка, и ей, Липе. И уж точно Алечке, которая звала Липу бабушкой и которую она обожала. Прижавшись носом к оконному стеклу, ждала ее с работы, бросалась к ней в объятия, а по утрам прибегала к ней в кровать и, уткнувшись в мягкий горячий бок, моментально засыпала.

Спустя год совестливая Анюта устроилась в детский садик музыкальным работником. Туда же устроила и Алечку — и сыты, и дочка под присмотром.

Хозяйство вели сообща. Да какое там хозяйство — две женщины и ребенок. Жили дружно, не ссорились и не цеплялись друг к другу. Через полтора года Аня успокоилась и поняла, что бывший муж и не думает их искать, наверняка давно забыл и устроил свою жизнь. Ну и бог ему судья.

Их тихая женская жизнь протекала спокойно и мирно.

Аля росла спокойным, уступчивым, беспроблемным и милым ребенком. Если бы ее спросили, кого она любит больше, свою тихую и печальную мать или большую и гро-

могласную бабушку, она бы призадумалась. Нет, она очень любила обеих. Но с бабушкой было веселее, живее, с ней можно было играть, смеяться, пугаться страшных историй, нашептывать по вечерам сказки, петь смешные куплетики, учить наизусть стихи, печь на кухне оладьи, пышные и высокие, собирать с земли желуди и делать из них смешных человечков, шить куклам платья, вязать пинетки и кофточки, покупать потихоньку от мамы коричневые пачечки сладкого гематогена и кисленькие желтенькие — витаминки-драже. Еще можно было кланчить мороженое и трубочки с кремом, ходить в кино на детские сеансы, самые ранние, в девять утра, по воскресеньям, когда мама еще спала.

Бабушка — это вечный праздник и радость, шумные, звонкие поцелуи, запах леденцов, духов «Красная Москва» и папирос «Беломорканал». Бабушка — это смешные черные усики под верхней губой: «Ба, ты же не дедушка, почему у тебя усы?»

Бабушка — это сладкая пшеничная каша с изюмом, маленькие сережки с красными камушками, влажная шея и нежные руки, самые нежные и родные, горячие: «Ба, поддержи ручку на лобике! Головка болит».

А с мамой они гуляли в усадьбах любимого композитора. Больше всего любила Майданово, двухэтажный дом на высоком берегу реки Сестры. Бывали и во Фроловском, любовались бесконечными просторами, лесами, полями и речкой Жерновкой. Как интересно рассказывала мама о жизни и творчестве композиторов! Аля слушала ее, затаив дыхание. Увлеченная рассказом, мама розовела и оживлялась, становилась совсем молодой.

Анна Васильевна заболела, когда Аля училась в пятом классе. Стала еще грустнее, еще печальнее, еще тише. На работу она почти не ходила, сидела дома на вечных больничных или лежала в больнице. Домой приходила врачиха из поликлиники, тощая, темная, похожая на засохшую ветку. Длинными, сухими темными пальцами хмуро и нервно писала рецепты, бросая тяжелые взгляды на больную и ее родню, тоненькую перепуганную девочку с узкими косицами и большую толстенную усатую старуху в темном широком платье.

Врачиха все понимала. Жизнь молодой и печальной женщины подходила к концу. По слухам, бабка девочке не родная. Что будет с ребенком? Какая судьба ждет эту милую напуганную девочку? Надо непременно позвонить в детскую поликлинику своей коллеге-педиатру и выяснить, что да как. Возможно, есть другие родственники, поближе? Надо сделать все, чтобы этот ребенок не попал в детский дом — там она пропадет. Такие девочки, как эта, в таких местах не выживают.

Бедная Анюта болела неожиданно долго, хотя и анализы были ужасными, и прогнозы врачей не оставляли надежд, и кормили ее принудительно, а она все жила. Последний месяц она провела в больнице. Медсестры шепотом обсуждали участь несчастной, совсем молодой женщины, ее странную родню: огромную усатую тетушку с красными от непрекращающихся слез глазами, крепко держащую за тоненькую, словно прутик, ручку насмерть перепуганную, растерянную девочку. Девочку жаль было больше, чем мать.

Та уже пребывала между землей и небом, в зыбком, затуманенном, неизвестном мире, приходя в себя на пару минут, только когда девочка еле слышно шептала «мама».

Картина была невыносимой.

Медсестры тайком утирали слезы — какое несчастье!

Похороны Ани были печальными. Впрочем, процедура эта веселой не бывает, но здесь все выглядело совсем удручающе — дешевый гроб, оббитый малиновым ситцем, ужасное ноябрьское утро, темное, дождливое, мрачное. Размытая, утопающая в рыжей глине дорога на кладбище, рыдающая старуха, укутанная в черный платок и держащая за руку девочку, серую от страха и горя.

Из провожающих были две женщины, работницы почты: полудебильная уборщица Клава и почтальон Лена, грубая, хмурая, молчаливая, одинокая баба. Обе пришли по просьбе начальницы.

После кладбища поехали к Олимпиаде. Там и помянули несчастную, тихо и скромно, но как положено, селедкой с картошкой, винегретом и поминальными блинами с кутьей. Кутью принесла Клава.

После долгих уговоров Аля молча сжевала холодный блин и ушла в комнату. Не зажигая света и не раздеваясь, легла на кровать и закрыла глаза. Что теперь будет? Теперь она совершенно одна. Мама нет. Есть бабушка, но она им не родная, и потому ее, скорее всего, заберут в детский дом, она уже взрослая и все понимает. К тому же она прекрасно слышит все разговоры. Вряд ли бабушке удастся ее «отстоять»: возраст не тот, здоровье подводит. Правда, Аля слышала, как бабушка Липа сказала врачихе, что будет биться до последнего. А та ответила, что шансов мало, даже почти нет. И еще что надо отыскать Алиного отца. Вот он-то точно имеет право на девочку.

Отца. Аля его совсем не помнила. Мама от него сбежала, когда она была грудным младенцем. Отец много пил и распускал руки. Мама говорила, что она спасалась и спасала дочь. Остаться в том доме было нельзя. Сбежала в никуда, «наобум Лазаря», как она говорила.

Но теперь мамы нет, бабушка старенькая и больная, ходит плохо, дышит тяжело, жалуется на сердце и на все остальное. И бабушка она не родная. По всему получается, что дорога у Али одна — в приют.

Было страшно. Ах как было страшно: больше нет мамы, а скоро не будет и бабушки. Страшно было уходить из родного дома, где она выросла. Страшно было представить другую, незнакомую жизнь. Но было понятно одно — та, другая, новая жизнь уж точно не будет лучше прежней, старой.

Скорее всего, она окажется ужасно тяжелой, страшной, как и само слово «приют».

Через пару дней пришли какие-то люди. Они внимательно рассматривали девочку и задавали чудные и смешные вопросы: не голодает ли она и что, например, она ела сегодня на завтрак и чем ужинала вчера, справляется ли она с уроками и кто их проверяет, кто стирает ей платица, трусики и колготки? Вопросы были странные, девочка терялась и пугалась этих дотошных чужих людей, бросала взгляды на растерянную бабушку, но та, кажется, боялась не меньше ее.

— Уроки, — тихо отвечала Аля, — мне проверять не надо. Я учусь хорошо. Белье, — произнести при незнакомых людях слово «трусики» ей было неловко, — я стираю сама. Мама